

Светлана МАТЯШ

«Затяжные» переносы в поэзии М. Цветаевой и И. Бродского*

Исследуя структуру стихотворного переноса (enjambement) по нескольким параметрам, мы выявили у многих русских поэтов особую разновидность переноса — в нашей терминологии «затяжной» перенос, характеризующийся двумя главными признаками: 1) увеличенная (до трех и более строк) структура, 2) разросшийся словный интервал между синтаксически связанными, но разорванными концом строки словами. Мощную поддержку нашей концепции «затяжного» переноса мы неожиданно обнаружили в статье И. Бродского «Об одном стихотворении» (1981), посвященной интерпретации поэмы** М. Цветаевой «Новогоднее» (1927).

Как известно, Бродский в Нобелевской лекции назвал Цветаеву в числе пяти главных своих учителей. Естественно, что имена Бродского и Цветаевой стоят рядом во многих исследованиях поэтики того и другого поэта. «Новогоднее» и статья Бродского о «Новогоднем» неоднократно привлекали внимание ученых***,

* Впервые: И. Бродский о переносах М. Цветаевой в контексте проблемы «затяжного» переноса в поэзии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. XIV. Славянский стих. М., 2017. Печатается в новой редакции.

** Бродский в тексте статьи называет «Новогоднее» стихотворением, элегией, надгробным плачем (см.: *Бродский И.* Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т. / Сост. В. Уфлянд. Минск, 1992. Т. 2. С. 396, 442). В эдиционной практике «Новогоднее» включается в число поэм. Здесь и далее цитаты из произведений Бродского приводятся по изд.: *Бродский И.* Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т. / Сост. В. Уфлянд. Минск, 1992. Т. 1–2; цитаты из Цветаевой: *Цветаева М.* Стихотворения и поэмы / Вст. ст., примеч. Е. Коркиной. Л., 1990.

*** См., например, работы: *Артемова С.* О жанре письма в поэзии И. Бродского // *Поэтика Иосифа Бродского: сб.* Тверь, 2003. С. 128–139; *Хаимова В.* Особенности художественного пространства в элегиях М. Цветаевой

однако, насколько нам известно, до сих пор никто (и автор статьи — не исключение) не обращал внимания на тот фрагмент статьи, в котором будущий нобелевский лауреат проанализировал «затяжные» переносы учителя. Каким образом?

«Об одном стихотворении» представляет собой последовательную интерпретацию каждой из 194 строк «Новогоднего» с указанием на характер переживания, особенности стиля и стиха. Однако (важно подчеркнуть) «Об одном стихотворении» — не пособие по анализу текста и не стиховедческий трактат. Это эссе, в котором Бродский высказывает суждения общеполитического и общестетического плана («самовоспроизводящая природа языка», стихосложение как ускоритель сознания, «всякое творчество — реакция на предшественников», губительность клише для творчества и др.); многие из этих идей позднее были развернуты им в «Нобелевской лекции» (1987). Несомненную ценность представляют разбросанные по всей статье характеристики Цветаевой — идеологической направленности всего ее творчества («неприемлемость мира») и особенностей поэтики («психологический реализм», «поэт бесконечного придаточного предложения», «интенсивность дикции», «стилистическая контрастность» и др.), в том числе — особенностей стиха «Новогоднего» (хорей, вызывающий ассоциации с фольклором, дактилические — причитающие — окончания в хорее, цезура и графический перебой, меняющие тональность речи, многоступенчатый синтаксис, частые переносы, ставшие «ее автографом, ее отпечатком пальцев»). С точки зрения стиховеда, самым примечательным в статье является то, что обилие высказанных идей разного плана и масштаба стимулирует Бродского сделать вывод, что художественные средства («метрические ухищрения», «рифмы», «enjambement'ы», «звуккопись и т. п.») «говорят нам о поэте больше, чем самая искренняя и широковещательная (его. — С. М.) декларация». И этот методологически принципиальный вывод Бродский предлагает иллюстрировать необычными «затяжными» переносами в самом начале «Новогоднего»:

С Новым годом — светом — краем — кровом!
 Первое письмо тебе на новом
 — Недоразумение, что — злачном —

и И. Бродского («Новогоднее» и «Большая элегия Джону Донну») // Русское зарубежье — духовный и культурный феномен: сб. Вып. 2. М., 2008. С. 189–196; Семенов В. Структура и типология русского стиха в представлении Иосифа Бродского: опыт реконструкции // *Sop amore: историко-филологический сб.* М., 2010. С. 573–581; Зубова Л. Стихия и разум на границе строк (в продолжение темы «Стиховой перенос Марины Цветаевой») // *Славянский стих.* IX. М., 2012. С. 413–424; и др.

(Злачном — жвачном) *месте* зычном, месте звучном
Как Эолова пустая башня.
Первое письмо тебе с *вчерашней*,
На которой без тебя изноюсь —
Родины, теперь уже — с одной из
Звезд ... <...>

Очень подробно Бродский анализирует первую строку («С новым годом — светом — краем — кровом!»). Он оценивает и звукопись, и градацию, создающую «ощущение чистого, рвущегося ввысь и как бы отрекающегося (отрешающегося) от себя голоса». Здесь отметим, что поэт, выступающий в роли критика, отмечает частотный прием Цветаевой — нанизывание тире. Думается, этот прием особенно впечатляет Бродского, потому что сам он тире использует сдержанно, предпочитая перечислительные ряды, оформленные точками. Ср.: «Далеко — в ночи — по асфальту — трость. / Двери — настезь — в ночь — под ударом ветра» («Не сегодня — завтра растает снег...», 1916, Цветаева) и «Возможно — натюрморт. Издалека / все, в рамку заключенное, частично / мертво и неподвижно. Облака. / Река. Над ней кружащаяся птичка» («На выставке Карла Вейлинка», 1984, Бродский). Далее Бродский предлагает «обратиться к enjambement’у (обращаем внимание на единственное число. — С. М.) между второй, третьей и четвертой строками «Новогоднего», но сначала не обозначает его, а анализирует нагромождение прилагательных («злачном», «злачном-жвачном», «зычном»), с помощью которых в произведении, посвященном умершему поэту Райнеру Марии Рильке, «новое место» понемногу начинает приобретать черты «того света». Это впечатление, считает Бродский, создается у Цветаевой во многом благодаря необычному переносу. Вообще-то перенос этот — «на новом / ... месте». Бродский, в одном лице критик, поэт и стихотворец, объясняет, почему этот перенос становится у Цветаевой необычным. По его мнению, Цветаева хочет избежать стертости частого приема (enjambement — ее автограф) и для этого «одушевляет» его «двойными скобками». Последнее — очень важное для нас замечание, т. к. скобки в нашей концепции «затяжного» переноса — самая убедительная разновидность «затяжек» (заслонов).

В заключение анализа первого переноса Бродский высказывает еще одно соображение, представляющее для нас интерес словесным выражением. «Однако главной причиной, побудившей ее *растянуть enjambement на три строки* (курсив наш. — С. М.), была не столько опасность клише, таившаяся (при всей ироничности тона) в словосочетании “новое место”, сколько неудовлетворен-

ностью автора заурядностью рифмы “кровом — новым”». Как видим, в этом фрагменте статьи Бродский, не используя термин «затяжной» перенос, фактически описывает его структуру: перенос занимает три строки; к переносу имеют отношение скобки; скобки «растягивают» перенос. (К суждениям критика можно было бы добавить: растягивает перенос до трех строк не только сочетание в скобках, но и вставная конструкция, оформленная двойными тире.) И, конечно, впечатляет то, как Бродский, поэт и стихотворец, отчетливо улавливает художественный эффект необычного переноса Цветаевой, а как критик развернуто и убедительно его демонстрирует.

В следующем фрагменте статьи Бродский анализирует второй необычный перенос Цветаевой («Первое письмо тебе с вчерашней, / На которой без тебя изноюсь, / Родины ... <...>»). Необычность этого переноса состоит в том, что в него, по выражению критика, «вклинивается» предложение «На которой без тебя изноюсь», отделяющее «вчерашней» от «Родины» и тем самым усиливающее паузу, стоящую между этими словами*. Эта пауза, считает Бродский, «увидана — услышана — уже не автором, но адресатом стихотворения — Рильке». Следовательно, во втором фрагменте статьи Бродский описал еще один «затяжной» перенос (он называет его «разорванным»), в структуре которого три строки, что является следствием «затяжки», в роли которой выступает определительное придаточное предложение. Примечательно также, что, анализируя второй перенос, Бродский отметил «разгоняющий» дактилизм «Родины». По нашему мнению, он отметил одну из особенностей структуры переносов Цветаевой (в т. ч. и «затяжных») — участвовавшие случаи дактилических словоразделов в нижней строке (в *enj* типов *r*, как в процитированном тексте, и *d-r*).

В приведенном тексте начала «Новогоднего» после двух трехстрочных переносов («затяжных», в нашей терминологии) появляется двухстрочный перенос типа *d-r* («Родины — *теперь уже с одной из / Звезд ... <...>*») с типичной для Цветаевой (и самого Бродского) актуализацией служебного слова в позиции конца строки. Этот *enj* Бродский тоже не оставляет без внимания. Он

* На высказывание Бродского, что предложение «На которой без тебя изноюсь», вклиниваясь в перенос, продлевает паузу, обратила внимание Л. В. Зубова при рассмотрении вопроса о способах усиления пауз между строками в лирике Цветаевой (см.: Зубова Л. Стихия и разум на границе строк (в продолжение темы «Стиховой перенос Марины Цветаевой»). С. 418).

отмечает «замечательную составную рифму» «одной из» и, оценивая художественный эффект переноса с учетом восприятия его читателем, произносит важные для нас слова: «После двух разорванных enjambement'ов он менее всего подготовлен к третьему — традиционному».

В «Новогоднем», по нашим подсчетам, 58 переносов, но Бродский ограничивается анализом первых трех, а остальные (в т. ч. и те, что фигурируют в приводимых им многочисленных цитатах из поэмы) оставляет уже без внимания. В связи со всем сказанным возникают закономерные вопросы: почему Бродский обратил внимание на «затяжные» (в его фразеологии, «разорванные») переносы Цветаевой — потому, что они соответствовали его собственной практике или, напротив, не соответствовали? А у самой Цветаевой два, описанных Бродским, нетрадиционных переноса — явление экзотическое или достаточно частное? Для ответа на эти вопросы мы провели обследование *enj* Цветаевой и Бродского по указанным выше изданиям*. Всего статистическим анализом охвачено у Цветаевой 18 112 строк, у Бродского — 17 081. Полученные данные по традиционным и «затяжным» переносам Цветаевой и Бродского проецировались на аналогичные данные по *enj* Пушкина**.

У Цветаевой выявлено 1927 переносов, из них 26 «затяжных»; у Бродского — 2728 переносов, из них 25 «затяжных». Для сравнения: у Пушкина среди 1610 *enj* 83 «затяжных». Приведенные цифры говорят о том, что общее число переносов обоих поэтов XX в. сильно увеличилось, а относительная величина «затяжных» — существенно снизилась: у Пушкина частотность *enj* 4,4%, но «затяжные» составляют 5,1% от общего количества *enj*; у Цветаевой переносов почти в два с половиной раза (10,6%) больше, чем у Пушкина, а на «затяжные» приходится только 1,3%; у Бродского переносов больше, чем у Цветаевой в полтора раза (16,0%), но «затяжные» составляют около одного процента. Исключение составляет «Новогоднее» с общей высокой частотностью переносов (29,9%) и тремя*** «затяжными», а это 5,2%, так что в этой связи выбор Бродским объекта анализа «затяжных» («разорванных») переносов безукоризненно точен.

* Исследование *enj* Цветаевой выполнено по указанному выше изданию 1990 г. Учтены завершённые произведения.

** Матяш С. Структура «затяжных» стихотворных переносов А. С. Пушкина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11. С. 6–12.

*** По нашему мнению, третьим «затяжным» *enj* в «Новогоднем» является: «<...> Со своей столько-то (сколько?) мильной / Бесконечной, ибо безначальной / Высоты над уровнем хрустальным <...>».

Помимо частотности отметим ряд особенностей *enj* Цветаевой и Бродского. С точки зрения константного и доминантного признаков (увеличенные объем структуры и словный интервал между синтаксически связанными словами по вертикали) «затяжные» *enj* этих поэтов выглядят следующим образом. У Цветаевой максимально растянутый перенос — 4 строки, 7 слов («Чтобы в груди / (В тысячелетней моей могиле / Братской!) — дожди / Тысячелетий тебя *не мыли* ...» — «Руки — и в круг ...», 1922). В «Новогоднем» первый из описанных Бродским переносов имеет 3 строки, 5 слов, второй — 3 строки, 3 слова. Средние показатели «затяжных» Цветаевой — 3,1 строки, 3,4 слова. У Бродского максимально разросшийся перенос — 5 строк, 13 слов («Колхида вспенила бурун, и Ялта / с ее цветами, пальмами, огнями, / отпускниками, льнущими к дверям / закрытых заведений, точно мухи / к зажженным лампам, — медленно *качнулась* <...> — «Посвящается Ялте», 1969). Средние показатели — 3,2 строки, 4,4 слова. Среди «затяжных» Пушкина максимальные показатели (6 строк, 14 слов) дает перенос в последних строках «Полтавы», средние данные — 3,2 строки, 4,4 слова. Как видим, «затяжные» переносы Бродского в сравнении с цветаевскими более растянуты, их показатели приближаются к пушкинским.

Остальные параметры описания «затяжных» *enj* совпадают с параметрами описания переносов традиционных: типы переносов, клаузулы верхней строки, словоразделы нижней строки (в типах *r*, *d-r*), набор и частотность синтаксических связей*. Приведем наиболее важные для данной работы результаты.

У Цветаевой все три типа переносов (традиционно выделяемых в стиховедении): *r* (см. второй перенос в «Новогоднем»); *c-r* («Искатель подвигов — опять / Нам волей роковых стечений / Друг друга *суждено узнать*» — «Искательница приключений...», 1916), *d-r* («А помнишь, как матом / Во весь свой эстрадный / Басище — меня-то / Обкладывал? <...> — «Маяковскому», 1930). У Бродского — тоже есть «затяжные» всех трех типов. Соотношение *r*:*c-r*:*d-r* равно: у Цветаевой 43,3:23,1:34,6; у Бродского — 13,0:36,0:48,0; у Пушкина — 2,4:77,1:20,5. Эти данные говорят о том, что структура «затяжных» *enj* у Цветаевой и Бродского отличается от аналогичных переносов классической поэзии, пред-

* Набор и частотность синтаксических связей описывались с учетом иерархии синтаксических связей, разработанных М. Гаспаровым и Т. Скулачевой (см.: Гаспаров М., Скулачева Т. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004. С. 182–204); используемая аббревиатура названий связей также принадлежит этим ученым.

ставленной Пушкиным, разительно. В пушкинских «затяжных» господствовал тип *c-r*. Этот тип у классика преобладал и в традиционных *enj*, «затяжные» это преобладание усиливали, т. к. использовали преимущественно хорошо разработанные модели. Доля *d-r* у Пушкина скромная, а доля типа *r* — мизерная. Оба поэта XX в. (особенно Цветаева) архаические *c-r* резко сокращают и, соответственно, увеличивают два других типа: Цветаева — *r*, Бродский — *d-r*. У Цветаевой *c-r* сокращается и в традиционных переносах, в частности, в «Новогоднем» до 5,2% (!). Это полный провал пушкинского фаворита.

На клаузулы верхней строки в *enj* Бродский внимания не обратил. Зато, как помним, он отметил дактилический словораздел (в нашей терминологии) нижней строки. Соотношение мужских, женских, дактилических словоразделов равно: у Цветаевой 35,0 : 20,0 : 45,0; у Бродского 31,3 : 43,7 : 25,0; у Пушкина 42,1 : 42,1 : 15,8. Как видим, у Пушкина мужские и женские словоразделы составляли равновесие, доля дактилических была относительно скромной. Цветаева по этому параметру решительно меняет структуру «затяжного» переноса: доля дактилических словоразделов (см. второй перенос в «Новогоднем») не просто увеличивается, эти словоразделы у нее лидируют. Кроме того, в «затяжных» Цветаевой появляются гипердактилические словоразделы: «<...> двойной запрудой / — Без памяти и по края! — / Покоящиеся ... <...>» («Час души», 1923).

У Бродского тоже есть эффектные дактилические словоразделы в нижней строке «затяжного» переноса: «<...> с тобой имела общие черты / (шепчу автоматически «о, Боже», / их вспоминая) внешние. <...>» («Двадцать сонетов к Марии Стюарт», 1974). Их меньше, чем у Цветаевой, но значительно больше, чем у Пушкина. Таким образом, совершенно очевидно, что, отметив «разгоняющий» дактилизм «Родины», Бродский продемонстрировал новаторский прием Цветаевой, к которому прибежал и сам.

Среди синтаксических связей в «затяжных» переносах Пушкина лидируют (45,8%) связи обстоятельственные — *Об*. Это — связи самые популярные в пушкинскую эпоху и в традиционных переносах. Второе место (24,1%) у Пушкина занимают связи предикативные — *Пр*, третье (14,4%) — дополнительные, с дополнением косвенным, четвертое (7,2%) — между частями составного сказуемого, пятое (3,6%) — с обособленными оборотами, шестое (2,4%) — между однородными членами, седьмое (1,2%) — связи определительные — *Оп*. У поэтов XX в. набор связей практически сохраняется, но пропорции их существенно меняются. У Цветаевой лидируют, как и у Пушкина, связи *Об* — и с близкой великому

предшественнику частотностью (46,2%), но на втором месте у нее связи *On* (23,1%), занимавшие у Пушкина последнее место. (*On* у Пушкина и долго после Пушкина и в «затяжных», и в традиционных *enj* были единичными). У Бродского лидируют (44,0%) *Пр*, связи *Об* перемещаются на второе место (32,0%), *On* занимают третье место (8,0%). Как видим, культивирование связей *On* является самым примечательным для данного параметра структуры «затяжных» *enj*. Тем важнее отметить, что два первых переноса «Новогоднего», которые анализировал Бродский, имели связи *On* («новом / ... месте», «вчерашней / ... Родины»), новаторские в структуре «затяжных» Цветаевой.

На этом завершив анализ частотности и структуры «затяжных» переносов Цветаевой и Бродского, сделаем общие выводы. Интерпретируя необычные переносы Цветаевой в «Новогоднем», Бродский, в одном лице критик, поэт и стихотворец, фактически констатировал функционирование в русской поэзии «затяжных» (в терминологии Бродского, «разорванных») переносов, растянутых на три строки, и показал механизм его образования (у Цветаевой — сознательного). Таким образом, в статье Бродского «Об одном стихотворении» мы впервые обнаружили осмысление большим поэтом ритмико-синтаксического приема, который никогда не был предметом поэтической рефлексии.

Два «затяжных» переноса «Новогоднего», на которые обратил внимание Бродский, были не единственными у Цветаевой и соответствовали его собственному поэтическому опыту.

